

Наименования человека по отношению к браку в якутском языке

А. А. Скрыбина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

В статье впервые подвергаются описанию и классификации наименования человека на основании его брачного статуса в якутском языке. На основе лексикографических, сравнительно-исторических работ проведена систематизация наименований человека по отношению к браку по четырем основным группам: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный периоды. В результате исследования выявлено 35 лексических единиц, относящихся к тематической группе «Наименования человека по отношению к браку». Обнаружено, что рассмотренные единицы входят в довольно распространенные синонимические ряды и несут полисемичный характер. Проанализированная лексика представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими и русскими заимствованиями.

Ключевые слова

якутский язык, лексика, семантика, брак, женщина, мужчина, лексико-семантическая группа

Для цитирования

Скрыбина А. А. Наименования человека по отношению к браку в якутском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 112–122. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-112-122

Names of a person in relation to marriage in the Yakut language

A. A. Skryabina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract

This study represents the first attempt to analyze and categorize human names within the Yakut language, specifically in relation to the marital status of a person. The objectives were to identify and systematize the names in terms of their connection to marriage and marital obligations, as well as to provide their classification by lexical and semantic groups. Multiple analytical methodologies were employed, encompassing continuous sampling, descriptive, comparative, historical, and lexicographic approaches. The study findings allowed four main name categories to be identified: premarital, marital, postmarital, and extramarital. In total, thirty-five lexical units related to the thematic group under study were analyzed and characterized. The lexical units were found to be expressed mainly by gender-marked nouns and substantiated adjectives. Some words in the Yakut language proved to lack gender marking: depending on the context, they can convey the meanings of “man” or “woman.” Human status is denoted by specialized monosemantic terms, polysemantic words, and specific expressions. The vocabulary analyzed here includes native Yakut and Mongolian loanwords, as well as Russian borrowings. These lexical and paremiological units reflect the views of the Yakut people on marriage. The marital status of a person has a high positive value, while the names for an unmarried status carry a negative connotation. Future research on vocabulary related to marriage and family could involve sociolinguistic, linguistic, cultural, and comparative studies of other Turkic and Mongolic languages.

Keywords

Yakut language, lexicon, semantics, marriage, woman, man, lexical-semantic group

© А. А. Скрыбина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

For citation

Skryabina A. A. Naimenovaniya cheloveka po otnosheniyu k braku v yakutskom yazyke [Names of a person in relation to marriage in Yakut language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 112–122. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-112-122

Введение

Брак является институционализированной формой устойчивых супружеских отношений, законно оформленной в соответствии с нормами и правилами, присущими определенной культуре. Он играет важную роль в жизненном цикле и воспроизводстве этнической группы, обеспечивая передачу культурных традиций и ценностей от одного поколения к другому. В рамках брака сохраняются реликты древних обычаев и ритуалов, которые находят отражение в языковом окружении, включая лексические единицы и фразеологические выражения. Так, существенной задачей в лингвистике является изучение лексико-семантических групп, связанных с представлениями о браке. Это позволяет восстановить ранние формы семейной и общественной жизни, социально-этические нормы поведения мужчин и женщин, а также их статус в контексте института брака.

Брачные и семейные традиции якутов достаточно полно освещены в источниках по этнографии [Троцанский 1909; Виташевский 1910; Алексеев 1975; Гурвич 1980; Линденау 1983; Гоголев 1988; Слепцов 1989; Серошевский 1993; Бравина 2005; и др.]. Лексика, отражающая реалии семейно-брачных отношений якутов, неоднократно становилась предметом рассмотрения в сравнительно-историческом [Покровская 1961], синхронном и ареальном [Бурыкин 2000], структурно-семантическом [Федорова 2012], функциональном [Афанасьева 2019], сравнительно-сопоставительном [Сорова, Лукина 2022], этнолингвистическом [Варламова 2019] аспектах.

В данной статье представлена систематизация наименований человека по отношению к браку по четырем основным группам: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный периоды.

Материал извлечен из словарей (см. Список словарей), художественных произведений якутских писателей (см. Список источников), использованы также данные «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ 2001]. В ходе исследования применялась сплошная выборка примеров, методы и приемы описательного, сравнительно-исторического, лексикографического анализа.

1. Слова, обозначающие человека в добрачном периоде

У якутов женатый человек издавна пользовался почетом и уважением. Жениться означало «стать человеком или в люди выйти», и поэтому каждый должен был вступить в брак для продолжения рода [Худяков 1969: 178]. Брак, по традиционным представлениям якутов, – это не просто союз мужчины и женщины, союз двух родов, а «святой долг в первую очередь перед богами-творцами с их твердой установкой поддерживать непрерывность жизни на Земле» [Бравина 2005: 70]. Человека, не состоящего в браке, называли *агаардас* ‘холостой, одинокий человек’ (от гл. *агаардаа* ‘делить пополам что-л., разделять на две части’) [БТСЯЯ 2004: 490]. Человек, вступивший в брак, приобретает счастье и именуется *толору дьоллоох* ‘счастливый во всем, полный жизни’ [БТСЯЯ 2013: 437]. Паремиологические единицы подтверждают значимость брака у якутов: *Ойоҕо суох ообуй муна, эрэ суох эрэй* ‘Не иметь жены – паучья мука, не иметь мужа – горькая мука’; *Төрөөбүтүгэр олорор кыыс дьоло суох буолар* ‘Девушка, живущая у родных, не бывает счастлива’; *Ойоҕо суох киһи оронуттан ордуоһулар, тэллэбиттэн тэбиэриһэр* ‘Человек без жены, вставая с кровати, разгневается, поднимаясь с постели, вспылит’.

Для обозначения лиц женского пола в добрачном периоде используется лексема *кыыс*, которая имеет следующие лексико-семантические варианты: 1. Дьахтар оҕо уонна эдэр (кэргэн тахсыан иннинээҕи) сааһыгар. Девочка, девушка (до замужества). 2. Ким эмэ оҕото буолар дьахтар киһи (төрөппүттэригэр сыһыаннаан этэргэ). Дочь. 3. Дьахтар кэргэн тахсыан иннинээҕи кэмэ, туруга. Состояние до замужества, до вступления в брачные отношения, девичество [БТСЯЯ 2008: 433]. Это общетюркская лексема со значением ‘дочь, девушка, девочка’ [СИГТЯ 2001: 295]. Только в тувинском языке лексема *кыс* обозначает также особь женского пола у животных и женские цветки у растения: *кыс анай* ‘козлёнок-самка, козочка’; *кыс хой* ‘овца, овцематка’;

унуштерниң кыс чечектери ‘женские цветки у растений’ [ТРС 1968: 280]. В сочетании со словом *оҕо* ‘ребенок’, которое не имеет четкой гендерной ориентированности, лексема *кыыс* образует сочетание *кыыс оҕо* ‘ребенок женского пола, девочка, девушка, девчонка, дочка’ [ПЕК 1959: 1779].

Для обозначения лица мужского пола в добрачном периоде используются слова *уол* ‘мальчик, юноша, парень’, *оҕо киһи* ‘юноша’, *олдьот* ‘юноша’, *уолан* ‘неженатый молодой человек’, *ыччат* ‘молодой человек’, *хордьол* ‘юноша’. *Уол* – эр киһи оҕо уонна эдэр (кэргэн ылыан иннинээҕи) сааһыгар. Мальчик, юноша, парень [БТСЯЯ 2015: 192]. В более ранних словарях якутского языка зафиксировано значение ‘сын’ [ПЕК 1959: 3030; ЯРС 1972: 437], а также утратившееся в современном якутском языке значение ‘слуга, работник, батрак’ [ПЕК 1959: 3030]. Якутское *уол* сравнивается в источниках с древнетюркским словом *ovul* ‘мальчик’ [ДТС 1969: 364], образованным от глагольного корня *-ov / -og* ‘рождать’ [ЭСТЯ 1974: 416]. В различных фонетических вариантах это слово зафиксировано в современных тюркских языках: алт. *уул* ‘сын; парень’ [АРС 2018: 749], хак. *оол* ‘парень’ [ХРС 2006: 306], тув. *оол* ‘сын, мальчик; парень’ [ТРС 1968: 322], кирг. *уул* ‘сын; ребенок, дитя; молодец’ [КиргРС 1985: 311], каз. *ұл* ‘сын’ [КазРС 1995: 460]. От слова *уол* образована лексема *уолан* ‘неженатый молодой человек’ [БТСЯЯ 2015: 194], которая соответствует древнетюркскому *ovlan* ‘ребенок, мальчик’ [ДТС 1969: 363]. В алтайском языке с пометой «устаревшее» зафиксирована лексема *уулан* ‘юноша’ [АРС 2018: 750].

Для наименования юноши используется выражение *оҕо киһи*, включающее два общеупотребительных слова – *оҕо* ‘ребенок’ и *киһи* ‘человек’: *Кыра Хабырыыс сүүрбэттэнтэн эрэ тахсан эрэр оҕо киһи этэ* [БТСЯЯ 2010: 203] ‘Маленький Гаврил – парень всего лишь около двадцати лет’¹.

Лексема *олдьот* употребляется для обозначения лица мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию: *Олдьот уоллаах кыыс киирбиттэригэр, ыалдьыкка ас тардарга соруубута* [Далан 1993: 100] ‘Как только молодой парень зашел, сразу повелели накрыть стол’.

В разговорном языке для обозначения молодого человека используется лексема *ыччат*: 1. Эдэр көлүөнэ. Молодое поколение, молодёжь. 2. *кэпс*. Эдэр киһи, эдэр дьон. Молодой человек, парень, юноша [БТСЯЯ 2017: 574]. Ранее данное слово употреблялось в более широком значении – ‘генерация, род, колено, племя, потомство, нисходящее поколение, роды родов; молодёжь’, ‘предок, корень (начало поколения)’ [ПЕК 1959: 3856–3857].

В якутском языке встречается заимствованное из русского языка слово *баарыһына* ‘незамужняя молодая девушка’ > *барышня* [БТСЯЯ 2005: 83]: *Бүгүн баарыһыналар бөбө сырыттылар, – ийэтэ ону-маны саныы олороруттан аралдьытта* [Болот 1971: 207] ‘«Сегодня было очень много барышень», – сказала мать витающему в облаках [сыну]’.

Якутское существительное *кийиит* обозначает девушку, которая собирается выйти замуж, невесту. В «Большом толковом словаре якутского языка» данное слово сравнивается с тюркским *келин* ‘невестка, сноха’, ног. *кийиит* ‘подарки невесты’ [БТСЯЯ 2007: 87]. Тюркологи отмечают наличие слова *kelin* в древнетюркских памятниках в значении ‘невеста, невестка’ (*jüvüşlüg kelin kübägü javaş bulur* ‘невеста с приданым найдет кроткого жениха’ [ДТС 1969: 296]) и считают его производным от глагола *kel* ‘приходить’ + аффикс глагольного имени *-in* [СИГТЯ 2001: 302].

Якутское выражение *сүктэр кыыс* ‘невеста’ состоит из двух общеупотребительных слов: второй компонент выражен глаголом *сүк* ‘класть, взваливать, сажать кого-что-л. на спину’. Так называют девушку, выезжающую из родительского дома. В старину якутская девушка выезжала к жениху вместе со своим приданым *эһнээ*, буквально взвалив его на спину. Возможно, образное представление девушки со своим *эһнээ* побудило якутов назвать невесту *сүктэр кыыс* ‘девушка с приданым на спине’.

Для обозначения девушки шестнадцатилетнего возраста используется специфическое якутское выражение *сырбан татай* (букв.: чрезмерно шустрая), образованное от глагола *сырбай* ‘бегать, ходить, двигаться быстро, проворно; упруго извиваться, вертеться (обычно о стройных людях с гибким станом)’ (ср. прилагательное *сырбай* ‘шустрый, быстроногий, очень подвижный’ [БТСЯЯ 2012: 455–456]) и усилительной частицы *татай*. Выражение *сырбан татай* подразумевает, что девушка достигла возраста, подходящего для вступления в брак. Данное устойчивое

¹ Здесь и далее перевод примеров с якутского языка на русский автора статьи.

словосочетание функционирует как социально-возрастное обозначение новобрачной в якутском обществе.

2. Слова, обозначающие человека в брачном периоде

В якутском языке общее понятие ‘муж, жена’ выражается составным термином *эр-ойох*: холбоспут кэргэнни дьон. Супруги, муж и жена [БТСЯЯ 2018: 332]. В якутском языке, как и во всех тюркских языках, лексемы, обозначающие человека, приобретают значение родства благодаря показателю притяжательной формы: *кэргэним* ‘моя жена, мой муж’, слово *эр* ‘мужчина’ приобретает значение «муж» только при присоединении аффикса принадлежности *-и(м)*: *эрим* ‘мой муж’, *эрэ* ‘ее муж’.

Наиболее употребительным словом для понятий ‘жена’ и ‘муж’ является многозначная лексема *кэргэн*, не имеющая гендерной маркировки, в зависимости от контекста она используется в значениях ‘замужняя женщина, жена’ и ‘муж, супруг’: 1. Холбоһон, бииргэ ыал буолан олорор дьон. Семья. 2. Эр киһи ойоҕо. Замужняя женщина, жена. 3. Дьахтар эрэ. Муж, супруг. 4. бэй. туһ. Быстах кэмнэ баай ыалга бэйэлэрин кытта олорор хамначчыт. Наемный работник у бая, живущий с ним в одном доме (обычно временный), батрак. 5. биол. Харамайдары, үүнээйилэри наардааһынна уруулуу уустары холбуур улахан бөлөх. Семейство (в систематике растений и животных) [БТСЯЯ 2008: 523–524]. Якутское слово *кэргэн* является монголизмом, ср. монг. *gergen*, халх., бур. *гэргэн*, калм. *гергн* ‘замужняя женщина, супруга’ [ЭСМЯ 2016: 43].

В значении ‘супруг, супруга’ в отдельных случаях, чаще всего в художественных текстах, может использоваться лексема *добор* ‘друг’, например: *Элэккэй, сайаҕас, Эрэллээх доборум, Күөх унаар хонууга Күүлэйдии барыахха. Күннүк Уурастыырап* [БТСЯЯ 2006: 139] ‘Добрый, умный, надежный друг мой, давай погуляем по полю’.

Значение ‘муж, супруг’ передается однословной единицей *эр*. В зависимости от контекста оно может употребляться в значении ‘мужественный, смелый человек, мужчина, храбрец’ [БТСЯЯ 2018: 271]. Якутское *эр* соответствует др.-тюрк. *er* ‘муж, мужчина’, ‘муж, супруг’, ‘мужской’, ср. также древнетюркские производные слова *erān* ‘муж, мужчина, воин’, *erdām* ‘достоинство, доблесть, добродетель; доблестный’, *erkäk* ‘муж, мужчина; самец’, [ДТС 1969: 175, 176, 179]. В большинстве тюркских языков представлен вариант *er* в значениях ‘муж, супруг, мужчина’, ‘герой’, ‘храбрец’, ‘богатырь’, ‘витязь, воин’, ‘молодец’, ‘господин’, ‘мужественный, храбрый (человек)’, ‘человек’, ‘мужество’, ‘сила, энергия’. Вариант с начальным *j* представлен в некоторых языках: каз., сюг. *jer*, узб. диал. *jär*. В некоторых языках представлены иные формы: чув. *ar*, уйг. диал., лобн. *ej*, уйг. диал. *e*: ~ *ä*, который, возможно, восходит к другому источнику *ege-jege* ‘хозяин’ [СИГТЯ 2001: 303].

В значении ‘супруг, муж’ в разговорной речи функционирует лексема *обонньор* ‘старик’, обычно употребляется в притяжательной форме *обонньорум*: *Эмээхсинэ обонньорун, бачча тухары бииргэ эн-мин дэсикэн, эр-ойох буолан олорон баран, билбэт буолуо дуо?! П. Ойуунускай* [БТСЯЯ 2010: 207] ‘Неужели жена может не узнать своего мужа, с которым жила все это время и которого называла мужем?!’ В значении ‘супруг, муж’ данное слово не имеет возрастной маркировки и может употребляться в речи молодой супруги по отношению к своему мужу.

Значение ‘жена’ передается в якутском языке термином *ойох*: *эр киһи кэргэнэ* (сокуонунан бииргэ олорор дьахтара). Жена, супруга (законная) [БТСЯЯ 2010: 238]. Э. К. Пекарский сравнивает лексему *ойох* с тюркским *ојык* ‘проколотый, продырявленный, дыра’ и отмечает, что данное слово используется как бранное выражение по отношению к женщине [ПЕК 1959: 1804]. В современном якутском языке исследуемое слово имеет нейтральный оттенок и употребляется с аффиксом принадлежности: *ойобум* ‘моя жена’, *ойобун* ‘твоя жена’.

Стилистически нейтральное слово *дьахтар* ‘жена; женщина’ в разговорной речи в значении ‘жена, супруга; домашняя хозяйка’ приобретает негативную, пренебрежительную окраску, аналогичную слову *баба* в русском языке. Такую же коннотацию имеет глагол *дьахтардаа* ‘ходить по женщинам, быть бабником’ и прилагательное *дьахтарымсах* ‘женолюбивый, бабник’ [БТСЯЯ 2006: 328, 329].

Брачный статус женщины обозначается также словом *хотун*, которое в якутском языке используется и в других значениях: 1. Дьахтарга эрин ийэтэ. Мать мужа, свекровь. 2. Дьиэлээх дьахтар, ыал ийэтэ. Хозяйка дома, супруга, жена хозяина. 3. *эргэр*. Былыргы саха үнэр-сүктэр

үрдүк айыыта, танарата. Высшее божество, дух, которому поклонялся древний якут, богиня. 4. *эргэр*. Былыргы баай тойон ойоҕо, баай дьахтар. Жена богача, властителя, господина, госпожа. 5. кэпс. Хаарты оонньуутугар танаастаах дьахтар. Дама в игральных картах. 6. кэпс., харыс т. Өрүһү, күөлү, сири-дойдуну ытыктаан этэргэ туттуллар. Почтительное название рек, озер, местностей, госпожа [БТСЯЯ 2016: 628]. В древнетюркских памятниках это слово зафиксировано в форме *qatun* ‘госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения; жена правителя, знатного человека’ [ДТС 1969: 436]. Образовано от глагола *qat* ‘присоединять, прибавлять’ посредством аффикса *-un*. В современных тюркских языках зафиксирован вариант с гласным *-ы* во втором слоге: *qatyn, xatyn, kadyñ, gadyn, xat, qat, kadyt, kadaj*, лишь уйгуры и якуты используют вариант с огубленным гласным во втором слоге: уйг. *hotun*, як. *hotun* [СИГТЯ 2001: 296–297].

Якутское общеупотребительное слово *эмээхсин* ‘старуха’ в разговорной речи приобретает значение ‘жена, супруга’: *Ээ, мин эмиэ ити эмээхсиним өлүүтүн [сүөһүтүн] арааран туспа суруттаран биэрбитим*. Күндэ [БТСЯЯ 2018: 232] ‘А я уже успел перезаписать долю [скот] своей старухи’. Чаще всего используется в форме *эмээхсиним*: *эмээхсин* + лично-притяжательный аффикс 1-го л. ед. ч. *-ы(м)*. Э. К. Пекарский считает его монгольским заимствованием [ПЕК 1959: 254–255]. Ср. монг. *emegeñ*, халх., бур. *эмгэн*, калм. *эмгн* ‘старуха; (часто) бабушка’ [ЭСМЯ 2015: 214].

В говорах якутского языка в значении ‘жена’ зафиксирована лексема *көс*. Данное слово может быть производным от глагола *көс* ‘переезжать с одного места на другое’. В старину якутская девушка после свадьбы переезжала жить к семье мужа и потому ее называли *көс* (букв.: переехавшая). В значении ‘жениться’ в говорах якутского языка используется слово *көстөн*: *Уолбут көстөннөбүнэ, дьиэбитин хостуохпут* ‘Когда сын у нас женится, перегородим дом’ [ДСЯЯ 1976: 118]. Ср. др.-тюрк. *köç* ‘переходить, передвигаться, кочевать’ [ДТС 1969: 311].

3. Слова, обозначающие человека в послебрачном периоде

Понятия ‘вдова’, ‘вдовец’ передаются одним термином *огдообо* [БТСЯЯ 2010: 199], русизм (ср. рус. *вдова, вдовец*), указание на пол осуществляется добавлением слов *дьахтар* ‘женщина’ или *эр киһи* ‘мужчина’, например: *Дьахтар икки кыра оҕотунаан огдообо буолбута, ытыы-соннуу олоҕубута* [Якутской 1995: 7] ‘Овдовев, женщина с двумя маленькими детьми сидела и плакала’.

Имеется также гендерно не маркированная лексема *анаардас*, также передающая значение ‘вдова, вдовец’: *Анаардас* – кэргэнэ өлөн эбэтэр арахсан соҕотох хаалбыт. Одинокий (одинокая), оставшийся один (оставшаяся одна) в результате смерти или ухода жены (мужа). Например: *Анаардас, тулаайах дьахтар [Мотуоһа] тойонун аабы кытта сыл кэринэ сылдьан баран, аҕатыгар көһөн кэлбитэ*. Болот Боотур [БТСЯЯ 2004: 490–491] ‘Оставшаяся без мужа женщина [Матрена], примерно год пожила у своего свекра, а затем возвратилась к своему отцу’. Прилагательное *анаардас* восходит к глаголу *анаардаа* ‘делить пополам что-л., разделять на две части’. Соответственно, в якутской культуре вдовство рассматривалось как разрушение целого, разделенного на части.

Статус вдовы или вдовца обозначается также словом *тулаайах*: 1. *даҕ*. 1. Төрөппүттэрэ эбэтэр кинилэртэн биирдэстэрэ өлөн, көрүүтэ-истиитэ суох хаалбыт (оҕо). Ставший сиротой, сырый (о ребенке). 2. Иитэр, көрөр-истэр дьоно суох, соҕотох (дьахтар, кырдыаҕас киһи), огдообо. Одинокий, оставшийся без кормильца, попечения, вдовый (о женщинах, стариках). 3. көсп. Соҕотох, туспа, ойдом сылдьар, турар. Отделённый от других, сиротливый, одинокий (о чём-л.) 4. көсп. Соҕотох курдук сананар, соҕотохсуйар. Тоскливо-одинокий, унылый, сиротливый (напр., о мысли, душе). 2. *аат суолт*. Дьиэ кэргэнэ суох хаалбыт киһи (оҕо, огдообо, кырдыаҕас). Сирота, одинокий человек [БТСЯЯ 2014: 82–83]. В значении ‘вдовец, вдова’ данное слово встречается и в других тюркских языках: крх-уйг. *tul*, тур., гаг., аз., турк. *dul*, тат., башк. *tol*, каз., ккалп. *tul*, кирг., алт. *tul*, узб., уйг. *tul*, чув. *talax*. Как отмечают исследователи, первоначально это слово относилось к женщине. Одно из древних значений зафиксировано в киргизском языке: ‘изображение умершего мужа, которое ставилось над местом супружеского ложа (сидя под этим изображением, жена оплакивала мужа)’, ‘траур по мужу’. Предполагается, что слово *тулаайах* образовано от *tu-* ‘закрывать, преграждать, заваливать’ [СИГТЯ 2001: 293].

Разведенного человека в якутском языке называют *кэргэниттэн арахсыбыт*, где субстантивированное причастие *арахсыбыт* словообразовательно связано с первичным

значением глагола *арабыс* ‘отходить, удаляться от кого-чего-л., отступать’. Именно в этой прямой семантике глагола, связанной с идеей отхождения и удаления, лежит основа значения ‘разводиться’. Так, *кэргэнигтэн арахсыбыт* буквально означает ‘отделенный от жены (мужа)’.

4. Слова, обозначающие человека, находящегося вне брака

В якутском языке одинокий человек, не имеющий жены (мужа), обозначается такими гендерно немаркированными единицами, как *сулумах* ‘неженатый, незамужняя’, *соботох* ‘не имеющий семьи, близких; одинокий’, *холостуой* ‘неженатый, незамужняя’, *ангаардам* ‘холостой, одинокий человек’, *уһурбах* ‘одинокий, без семьи и детей’, *бэйэгдэ* ‘одинокий, холостой’. Лексема *сулумах* кроме лексико-семантического варианта ‘неженатый, незамужняя’ содержит значения, обозначающие пустоту, легкость бедность, скудность. *Сулумах* – туга да суох анаардас бэйэтинэн эрэ; кураанах; сыгыннах. Пустой (без ничего); голый (лишенный чего-л.). 2. Туох да таһаһаа эбэтэр боһуута суох. Передвигающийся, идущий без поклажи, без груза, налегке. 3. Дьиэтэ-уота, оҕото-уруута суох соботох. Неженатый (незамужняя), холостой, холостая. 4. көсп. Эбиитэ, кизгэтиитэ суох бэйэтинэн эрэ бэриллэр. Бедный, скудный (напр., о литературе); голый (напр., о схеме) [БТСЯЯ 2012: 125, 126]. Образовано от глагола *сулуй* ‘срезать, сдирать, отделять, что-л. мягкое от чего-л.’. Восходит к древнетюркскому *jul* ‘отнимать, захватывать’ [ДТС 1969: 277].

Для именованья неженатого человека используется лексема *соботох* – единый, один только, единственный, одинокий; одиночество, единица по существу [ПЕК 1959: 2258]. В «Большом толковом словаре якутского языка» данное слово сравнивается с древнетюркским *jahuz* ‘один, единственный, одинокий’ [БТСЯЯ 2011: 493]. Ср. алт. *janгыскан* ‘один; одинокий (несемейный, без семьи)’ [АРС 2018: 187], хак. *чалгыс* ‘единственный, один; одинокий; сирота, сиротливый’ [ХРС 2006: 934], тув. *чаңгыс* ‘один, одинокий’ [ТРС 1968: 516], кирг. *жалгыз* ‘единственный, одинокий’ [КиргРС 1985: 221], каз. *жалгыз* ‘без роду, без племени; единственный; одинокий; один-одинешенек’ [КазРС 1995: 175].

Внебрачный статус человека обозначается заимствованным словом *холостуой* (ср. рус. *холостой*), например: *Хос иһигэр холостуой киһи ороно, кинигэлээх улахан ыскаап турар*. Суорун Омоллоон [БТСЯЯ 2016: 546] ‘В комнате холостого человека стояла кровать, большой шкаф с книгами’. Помимо значения ‘неженатый, холостой; незамужняя’, данное слово в якутском языке передает понятие ‘безрезультатный, пустой, не приносящий пользы’. Например: *Ханнык баҕарар үлэбэ тиэһиникэ холостуой сырыытын аччаттахха үлэ онорумтуота урдүүр* ‘В любой работе, если уменьшить работу техники вхолостую, эффективность станет намного выше’.

В якутском языке имеется также лексема *уһурбах* со значением ‘одинокий, без семьи и детей’: *Дьинэр, хайа абыс оҕолоох киһи ханнык эрэ уһурбах уолаттар уруоктарын билбэтэхтэригэр көмөлөһөн кунун-дьылын ытыай*. С. Федотов [БТСЯЯ 2016: 320] ‘На самом деле, какой семейный человек с восемью детьми станет тратить свое время и силы на помощь одиноким людям?’. Данное слово образовано от глагола *уһур* ‘печалиться, беспокоиться’ [ПЕК 1959: 3091]. Слово *уһурбах* буквально переводится как ‘опечаленный человек’, а в разговорной речи используется в значении ‘молодая, ни разу не телившаяся (корова)’ [БТСЯЯ 2015: 320].

Лексема *бэйэгдэ* обозначает человека, находящегося вне брака, она образована от местоимения *бэйэ* ‘сам, сама’, которое подчеркивает индивидуальность и единоличность человека. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского дается следующее определение: *бэйэгдэ* – одинокий, холостой [ПЕК 1959: 423].

Лица, не состоящие в браке, часто обозначаются словами, означающими мужчину и женщину, к которым прибавляется отрицательная частица *суох*: *ойоҕо суох* ‘неженатый’, *эрэ суох* ‘незамужняя’, *кэргэнэ суох* ‘неженатый, незамужняя’.

Женщину, достигшую брачного возраста, но не находящуюся в браке, называют *кыыс дьахтар* [БТСЯЯ 2008: 534]. Данное выражение зафиксировано в паремиологических единицах якутского языка: *Кыыс дьахтар кытыйаны-хамыйабы кытта кырбаһар, ойоҕо суох уол үтүлүгүн-бэргэһэтин кытта охсуһар* ‘Девушка с мисками-ложками дерется, неженатый юноша с шапкой-рукавицами дерется’.

В говорах якутского языка представление об одиноким, холостом человеке находит отражение в таких языковых единицах, как *куралай* ‘холостой, одинокий’ [ДСЯЯ 1976: 126],

быыра киһи ‘одинокый, холостой человек’, *тураҕас* ‘одинокый человек’ [ДСЯС 1995: 59, 195]. Бездетную женщину, не вышедшую замуж, в говорах якутского языка называют *эримэх*: *эргэ барбатах эримэх кыыс* ‘невышедшая замуж вечная девка’ [ПЕК 1959: 302].

Заключение

Семья как социальный институт играет ключевую роль в жизни общества. Традиционно этические нормы у якутского народа формировали модели поведения, поддерживающие демографические аспекты жизни мужчин и женщин, что способствовало выживанию и сохранению этноса. В этом контексте безбрачие считалось нарушением этих норм. Женщина, достигшая брачного возраста, но не состоящая в браке, воспринималась как неполноценная и ущербная. Якутская пословица гласит: *Эрэ суох дьахтар иччитэ суох ынах кэриэтэ* ‘Женщина, не имеющая мужа, то же, что корова без хозяина’. Безбрачие у мужчин часто ассоциировалось с неспособностью выполнять свои социальные роли, что также могло привести к осуждению со стороны окружающих.

Нами выделены четыре значимых брачных статуса: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный. Рассмотренные лексические и паремиологические единицы, относящиеся к брачно-семейным отношениям, отражают представление носителей якутского языка о браке, а именно: положительно оценивается брачный статус человека, и, наоборот, отрицательную коннотацию имеют наименования человека, обозначающие внебрачное положение.

Большинство лексем обладает нейтральным значением, однако некоторые из них содержат оценочный компонент, что обусловлено значимостью, придаваемой продолжению рода у якутов. Многие лексемы мотивированы определенными культурными и социальными представлениями. Неженатый человек ассоциируется с пустотой, одиночеством и печалью (например, прилагательное *уһурбах* ‘неженатый’ образовано от глагола *уһур* ‘печалиться’).

Для обозначения семейного статуса человека используются в основном гендерно маркированные существительные и субстантивированные прилагательные. Часть проанализированных лексических единиц не имеет гендерной маркировки и в зависимости от контекста передает значения ‘мужчина’ и ‘женщина’. Не имеют гендерной маркировки слова, обозначающие одинокого, неженатого / незамужнего человека. Языковые единицы, характеризующие человека с точки зрения наличия / отсутствия брачных уз, входят в довольно распространенные синонимические ряды. Некоторые из этих случаев объясняются диалектными различиями. Например, понятие ‘жена’ передается 7 языковыми единицами, понятие ‘муж’ – 5. Большинство рассмотренных слов являются общеупотребительными, однако есть небольшой процент лексем, передающих значение ‘муж, жена’ только в разговорной речи или только в художественных текстах (*оһонньор, эмээхсин, доһор*). Слова, обозначающие лиц, состоящих в браке, используются в притяжательной форме, которая служит средством выражения принадлежности и родственной связи: *эрим* ‘мой муж’, *ойоһум* ‘моя жена’. Данное явление является характерным для всех тюркских языков. Часть слов, входящих в тематическую группу «наименования человека по отношению к браку», носит полисемичный характер. Из выявленных в процессе исследования 35 языковых единиц 9 являются лексико-семантическими вариантами многозначных слов.

Проанализированная лексика представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими и русскими заимствованиями, что, несомненно, связано с длительными историческими контактами с данными народами.

Список литературы

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 210 с.

Афанасьева Е. Н. Этнокультурная специфика терминов родства в тексте якутского эпоса-олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 348–351.

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций Саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Бурыкин А. А. Система родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Алгебра родства. Вып. 5. СПб., 2000. С. 213–342.

Варламова А.-С. В. Терминологическая лексика свадебного обряда якутов: этнолингвистический аспект // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 9. С. 137–147.

Виташевский Н. А. Брак и родство у якутов. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1910. 17 с.

Гоголев А. И. Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII в. // Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск, 1988. С. 89–98.

Гурвич И. С. Якуты // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 15–19.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Книж. изд-во, 1983. 176 с.

Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 11–81.

Серошевский В. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография № 2 Министерства информации и печати Российской Федерации, 1993. 736 с.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.) Якутск: Якут. книж. изд-во, 1989. 162 с.

Сорова И. Н., Лукина Ю. С. Слова, обозначающие родство по крови и браку в якутском и татарском языках // Алтаистика. Altaistics. 2022. № 4. С. 5–20. URL: <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.95.65.001> (дата обращения: 02.12.2024).

Троцанский В. Ф. Любовь и брак у якутов // Живая старина. 1904. Вып. 2–3. С. 17–34.

Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 473 с.

Список словарей

АРС 2018 – Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 935 с.

БТСЯЯ 2004 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1. Буква А. Новосибирск: Наука, 2004. 688 с.

БТСЯЯ 2005 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2. Буква Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.

БТСЯЯ 2006 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 3. Буквы Г, Д, Дь, И. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с.

БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 4. Буква К. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.

БТСЯЯ 2008 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 5. Буква К (күөлэһис гын – кээчэрэ). Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.

БТСЯЯ 2010 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 7. Буквы Нь, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.

БТСЯЯ 2011 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 8. Буква С. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.

БТСЯЯ 2012 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 9. Буква С (сөллөй-сээн), буква Ы. Новосибирск: Наука, 2012. 640 с.

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 10. Буква Т. Новосибирск: Наука, 2013. 584 с.

БТСЯЯ 2014 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 11. Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.

БТСЯЯ 2015 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 12. Буквы У, Ү. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.

БТСЯЯ 2016 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 13. Буква Х. Новосибирск: Наука, 2016. 648 с.

БТСЯЯ 2017 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 14. Буквы Ч, Ы. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.

БТСЯЯ 2018 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 15. Буква Э. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.

ДСЯС 1995 – Воронкин М. С., Алексеев М. П., Васильев Ю. И. Диалектологический словарь языка саха (дополнительный том) // Саха ттүөлбэ тылын тылдыта (эбии том). Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 294 с.

ДСЯЯ 1976 – Афанасьев П. С., Воронкин М. С., Алексеев М. П. Диалектологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1976. 392 с.

КазРС 1995 – Бектаев К. Казахско-русский словарь и русско-казахский словоуказатель. Шымкент: Туркистан, 1995. 416 с.

КиргРС – Киргизско-русский словарь. В 2-х кн. Около 40 000 слов. / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. Кн. 1. А – К. 504 с. Кн. 2. Л – Я. 480 с.

ПЕК 1958-1959 – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. М., 1959. 3858 стлб.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 465 с.

ЭСМЯ 2015 – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Том I. А–Е. 2015. 224 с.

ЭСМЯ 2016 – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Том II. G–P. 2016. 232 с.

ЭСТЯ 1974 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыссөстүк: (ок. 22 тыс. слов) / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.

Список источников

Болот Боотур. Сааскы дьыбардар: роман. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1971. 470 с.

Далан. Тыгын Дархан: Историческай роман. Дьокуускай: «Бичик» нац. кинигэ кыһата, 1993. 512 с.

Якутскай Н. Сэмэн Чакыырап: роман. Дьокуускай: Бичик, 1995. 346 с.

References

Afanas'eva E. N. Etnokul'turnaya spetsifika terminov rodstva v tekste yakutskogo eposa-olonkho "D'uluruyar N'urgun Bootur" [Ethnocultural specificity of kinship terms in the text of the Yakut epic-olonkho "Diuluruiyar Nyurgun Bootur"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2019, vol. 12, no. 6, pp. 348–351. (In Russian)

Alekseev N. A. *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v 19 – nachale 20 v.* [Traditional religious beliefs of Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 210 p. (In Russian)

Bravina R. I. *Kontseptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsiy Sakha* [The concept of life and death in ethnic culture: on the material of Sakha traditions]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 307 p. (In Russian)

Burykin A. A. Sistema rodstva yakutov v sinkhronnom, sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom aspektakh [Yakut kinship system in synchronic, comparative-historical and areal aspects]. In *Algebra rodstva* [The algebra of kinship]. St. Petersburg, 2000, iss. 5, pp. 213–342. (In Russian)

Gogolev A. I. Sotsial'naya organizatsiya i traditsionnaya sem'ya yakutov v 17 v. [Social organization and traditional family of Yakuts in the 17th century]. In *Sem'ya u narodov Severo-Vostoka SSSR* [Family among the peoples of the North-East of the USSR]. Yakutsk, 1988, pp. 89–98. (In Russian)

Gurvich I. S. Yakuty [Yakuts]. In *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri: opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family rituals of the peoples of Siberia: experience of comparative study]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 15–19. (In Russian)

Khudyakov I. A. *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansk District]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1969, 473 p. (In Russian)

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina 18 veka): istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the Peoples of Siberia (first half of the 18th century): historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan, Knizh. izd., 1983, 176 p. (In Russian)

Pokrovskaya L. A. Terminy rodstva v tyurkskikh yazykakh [Kinship terms in Turkic languages]. In *Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the lexicon of the Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 11–81. (In Russian)

Seroshevskiy V. *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow, Moskovskaya tip. № 2 Ministerstva informatsii i pechati Rossiyskoy Federatsii, 1993, 736 p. (In Russian)

Sleptsov P. A. *Traditsionnaya sem'ya i obryadnost' u yakutov (19 – nachalo 20 v.)* [Traditional family and rituals among Yakuts (19th – early 20 century)]. Yakutsk, Yakut. knizh. Izd., 1989, 162 p. (In Russian)

Sorova I. N., Lukina Yu. S. Slova, oboznachayushchie rodstvo po krovi i braku v yakutskom i tatarskom yazykakh [Words denoting kinship by blood and marriage in Yakut and Tatar languages]. *Altaistika. Altaistics.* 2022, no. 4, pp. 5–20. URL: <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.95.65.001> 1 (accessed: 02.12.2024) (In Russian)

Troshchanskiy V. F. Lyubov' i brak u yakutov [Love and marriage among Yakuts]. *Zhivaya starina*. 1904, iss. 2–3, pp. 17–34. (In Russian)

Varlamova A-S. V. Terminologicheskaya leksika svadebnogo obryada yakutov: etnolingvisti-cheskii aspekt [Terminological lexicon of Yakut wedding rites: ethnolinguistic aspect]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success]. 2019, no. 9, pp. 137–147. (In Russian)

Vitashevskiy N. A. *Brak i rodstvo u yakutov* [Marriage and kinship among Yakuts]. St. Petersburg, Tip. Ministerstva putey soobshcheniya, 1910, 17 p. (In Russian).

List of dictionaries

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed.). Gorno-Altaiisk, Research Institute of Altaic Studies named after S. S. Surazakov, 2018, 935 p. (In Altai)

Afanas'ev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P. *Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1976, 392 p. (In Yakut)

Bektaev K. *Kazakhsko-russkiy slovar' i russko-kazakhskiy slovoukazatel'* [Kazakh-Russian dictionary and Russian-Kazakh word index]. Shymkent, Turkistan, 1995, 416 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1: Letter A, 688 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2005, vol. 2: Letter B, 912 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2006, vol. 3: Letters G, D, D', I, 844 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, vol. 4: Letter K, 672 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2008, vol. 5: Letter K: (kyölehis gyn – keechere), 616 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2010, vol. 7: Letters N, O, Ø, P, 519 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8: Letter S, 640 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2012, vol. 9: Letters S (sölley-seen), H, 640 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2013, vol. 10: Letter T, 584 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2014, vol. 11: Letter T: (tetellöekh – teetenee), 524 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2015, vol. 12: Letters U, Y, 598 p. (In Yakut)

- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2016, vol. 13: Letter Kh, 648 p. (In Yakut)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2017, vol. 14: Letters Ch, Y, 592 p. (In Yakut)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2018, vol. 15: Letter E, 576 p. (In Yakut)
- Bektaev K. *Kazakhsko-russkiy slovar' i russko-kazakhskiy slovoukazatel'* [Kazakh-Russian dictionary and Russian-Kazakh word index]. Shymkent, Turkistan, 1995, 416 p.
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1111 p. (In Khakass, In Russian)
- Kirgizsko-russkiy slovar'. V 2-kh kn. Okolo 40 000 slov* [Kyrgyz-Russian dictionary. In 2 bks. About 40,000 words]. K. K. Yudakhin (Comp.). Frunze, Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sov. entsikl., 1985, bk. 1: A–K, 504 p.; bk. 2: L–Ya, 480 p. (In Russian)
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 t.* [Dictionary of the Yakut language: In 3 vols.]. 2nd ed. Moscow, 1959, 3858 columns. (In Yakut)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, vol. I: A–E, 2015, 224 p. (In Russian)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, vol. II: G–P, 2016, 232 p. (In Russian)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p. (In Russian)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russian)
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 465 p. (In Tuvan)
- Voronkin M. S., Alekseev M. P., Vasil'ev Yu. I. *Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha (dopolnitel'nyy tom)* [Dialectological dictionary of the Sakha language (additional volume)]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 294 p. (In Yakut)
- Yakutsko-russkiy slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1972, 608 p. (In Yakut and Russian)

List of sources

- Bolot Bootur. *Saasky d'ybardar: roman* [Spring frosts: a novel]. Yakutsk, Sakha kn. izd., 1971, 470 p. (In Yakut)
- Dalan. *Tygyt Darkhan: Istoricheskay roman* [Tygyt Darkhan: a historical novel]. Yakutsk, Bichik, 1993, 512 p. (In Yakut)
- Jakutskaj N. *Semen Chakyyrap: roman* [Semyon Chakryrov: a novel]. Yakutsk, Bichik, 1995, 346 p. (In Yakut)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
17.12.2024

Сведения об авторе – Information about the Author

Алевтина Афанасьевна Скрыбина – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Alevtina A. Skryabina – Candidate of Philology, Researcher, Yakut Language Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

alevtinaskr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8677-9320>